

Горло Лань Цзэ обожгло острой болью, он зашлся в жестоком кашле, а из-за того, что стражники продолжали удерживать его, едва не рухнул на колени.

В этот самый момент створки дверей Главного зала с грохотом распахнулись. Облаченные в легкие доспехи солдаты плотным кольцом окружили помещение, а их холодные ножны блестели в лунном свете, словно ледяная корка на поверхности снега.

— Долгих лет, тысячелетий и бесконечного процветания вашему высокопреосвященству Господину Дучжу!

Лань Цзэ поднял голову и встретился взглядом с тем, кто вошел внутрь.

Се Цзинтин, второе имя Жусюэ, нынешний Верховный евнух Дун-чана.

Мужчина был облачен в элегантное длинное одеяние цвета темного тумана, а наброшенная на плечи меховая накидка лишь подчеркивала его неземную, подобную фресковому небожителю красоту. Его спокойные и мягкие глаза, прохладная, чистая словно нефрит кожа и тонкие черты лица казались зыбкими отражениями осколков луны на краю небосвода — столь прекрасными, что малейшее касание могло разрушить этот образ.

Лань Цзэ впервые видел столь невероятно красивого человека, он даже не знал, как подобрать слова, но терзающая горло боль вернула его в реальность, и он на мгновение замер на месте.

— Докладываю Верховному евнуху: с префектом Сюем уже покончено, а госпожа Чэнь сейчас в бегах... удалось схватить только Сюй Чуньчи.

Сюй Чуньчи... Запоздало Лань Цзэ кое-что сообразил: его приняли за Сюй Чуньчи.

Он не... Лань Цзэ попытался заговорить, открыл рот, но не смог издать ни звука.

Перед ним возникла пара черных сапог. Чуть приподняв голову, Лань Цзэ встретился взглядом с Се Цзинтином. Тот разглядывал его лицо, и в его глазах читалось безмятежное, но бездонное, как океан, спокойствие.

На лицо Лань Цзэ брызнула кровь, стоявший рядом стражник рухнул на землю, и Се Цзинтин бросил всего два слова:

— Увести.

Лань Цзэ посадили в повозку, а когда они тронулись в путь, в Поместье Сюй бушевало огромное пламя. Огонь закоптил половину вывески, на черных одеждах стражников отчетливо выделялся узор Летающей Рыбы, а взмахи серебряных кривых сабель орошали землю горячей

кровью.

В этот момент все Поместье Сюй напоминало чистилище, и появление этого человека без труда стерло с лица земли целую обитель.

Лань Цзэ редко покидал пределы Поместья Сюй. Запертый во внутренних покоях, в будние дни он лишь изредка слышал пересуды слуг и имел лишь смутное представление о Девятитысячелетнем.

Новый Император был единственным ребенком покойного государя и с самого рождения носил титул Наследного принца. Се Цзинтин еще в трехлетнем возрасте слагал стихи и отличался выдающимся литературным талантом; в семнадцать лет он сдал столичные экзамены сразу на высшую степень во всех трех турах, снискав славу несравненного гения. Его одаренность и безупречная репутация гремели повсюду, и он стоял во главе фракции Наследного принца.

Покойный император отличался подозрительным нравом, и даже спустя всего несколько лет после установления новой династии он не мог до конца довериться Се Цзинтину из-за происхождения последнего по материнской линии.

Желая доказать свою преданность, незадолго до смерти старого государя Се Цзинтин оскотил себя, подтверждая чистые помыслы, и дал клятву вечно защищать просторы династии Цзи.

Новый монарх изначально был близок с Се Цзинтином, о котором ходили слухи, что он обладал внешностью самого Пань Аня и изяществом колышущегося на ветру нефрита, за что его обвиняли в способности погубить государство.

Взойдя на престол, император пожаловал Се Цзинтину титул Верховного евнуха, поставив во главе Дун-чана, при этом любые доклады и петиции от шести министерств и ведомств в обязательном порядке проходили через его руки.

Ходили даже упорные слухи, что Се Цзинтин тесно прислуживал государю всем своим существом: юный правитель безоговорочно доверял ему, учёный секретарь кабинета министров служил его личным стратегом, генерал Цишэн ежедневно навещался в Резиденцию евнуха-главы, а Государственный наставник ради него переименовал предзнаменования небес.

В памяти Лань Цзэ всплывали самые разные слухи, и по большей части они носили дурной характер — стоило Се Цзинтину лишиться мужского достоинства, как все хвалебные речи рассеялись без следа.

История знала немало примеров того, как евнухи губили державу: сколь бы высокое положение они ни занимали, стоило императору отдать приказ, как их могущество могло рухнуть в один миг.

Куда больше Лань Цзэ беспокоила собственная жизнь. Поговаривали, что Се Цзинтин отличается мрачным нравом: под маской мягкости и учтивости скрывались безжалостность и холодное бесчувствие.

Теперь же Се Цзинтин учинил в Поместье Сюй суровую расправу. Лань Цзэ не знал, что именно там произошло, но всех слуг в усадьбе схватили, а беглецов перебили. Его самого арестовали как Сюй Чуньчи, и ничего хорошего его не ждало.

Он чуть пошевелил горлом — оно по-прежнему горело огнем. По мере того как повозка удалялась, зарево пожара растворялось в облаках на краю неба, и теперь он мог разглядеть лишь смутные силуэты охранявших процессию стражников и солдат.

Взгляд Лань Цзэ случайно упал на искривленную саблю в руке одного из воинов — он своими глазами видел, как минуту назад этот клинок снес голову пытавшемуся бежать слуге. Этого парня он даже знал: тот раньше прислуживал лично Сюй Чуньчи.

Его собственный затылок тоже покрылся ледяной потницей — если бы попытался бежать он сам, его постигла бы точно такая же участь.

Внутри повозки вовсе не было холодно, но спина Лань Цзэ покрылась холодным потом. Он изо всех сил напряг горло, пытаясь издать хоть звука, но по-прежнему не мог произнести ни слова.

Раз он не может говорить... он мог бы написать все на бумаге и рассказать тому Верховному евнуху, что он вовсе не Сюй Чуньчи, а второй молодой господин из Поместья Сюй.

— Что делать с остальными?

Проникавший сквозь щель в окне морозный воздух принес с собой тихое обсуждение двух солдат.

— Префект Сюй присвоил больше миллиона лянов казённой серебряной монеты, да к тому же промышлял контрабандой соли с корейцами — это преступление равносильно измене государству. Император Юань-цзун уже отдал приказ истребить девять родов.

Все те, кого мы вывозим сейчас... сплошь смертники.

На этих словах мысли Лань Цзэ оборвались.

Преступление, совершенное Поместьем Сюй, каралось истреблением девяти родов. Если он выдаст правду и заявит, что он не Сюй Чуньчи, его точно так же ждет неминуемая смерть.